

ЕВГЕНИЙ ВЕРМУТ

ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ

ИРОНИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
В СТИХАХ

Евгений Вермут
Жизнь, как она
есть. Ироническая
философия в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24310436
ISBN 9785448527760

Аннотация

Книга рассчитана на читателя с большим жизненным опытом, но и молодое поколение найдет здесь что-то для себя в любом из разделов. Основная тема книги – жизнь обычного человека со всеми радостями и невзгодами. Здесь есть над чем посмеяться и задуматься.

Содержание

НОСТАЛЬГИЯ	8
«В тишине размякшего дивана...»	8
Без названия	9
Детство золотое	11
Напоследок...	14
Когда-то...	16
Еще тогда	17
«Я не помню того, что делал вчера...»	18
Ностальгия	19
«Как весел мир волнительных иллюзий...»	22
В. Данилову	25
Старым коммунистам	27
Юным	28
Было...	30
Смерть. Друзья. Время	32
Хлеб детства	33
МОНОЛОГИ	35
Монолог землекопа	35
Монолог ограбленного инвалида	38
Афродита	43
Монолог игрального автомата	51
Бычья весна	53
Эх...!	54

О мимолетном...	56
Монолог кирпича	58
Соло для станка с катушкой	60
Свеча	63
Монолог интернетчика	64
Монолог тещи у окошка	66
Монолог двери	69
Наивные мысли старого двора	71
Монолог стройки	73
Монолог вожака собачьей упряжки	76
Монолог, угадай кого	78
Последний монолог червяка	80
Монолог недостроенного дома	82
Монолог кобры	84
Монолог плагиатора	85
Резня по дереву	87
Монолог телефона	89
Монолог приговора	91
Монолог стола	93
АХ, ЛЮБОВЬ...	95
Забегая вперед...	95
Серенада	97
«Лето. Ночь. Луна...»	99
Посвящение	101
«Я буду тебя ласкать...»	102
«Кистью волшебной взмахну...»	103

«Говорила мне утром рожь...»	104
Откровение	105
Жене Валентине	107
«Ярко светит Луна...»	108
«Первейших чувств ярчайшие мгновенья...»	110
«Мало любовь свою в жизни найти...»	111
Нерешительный	113
Ссора	115
Сторожевое лирическое	117
Одержимость	120
Возмездие	121
Волшебный сон	122
«Я когда-то давно угодил в твою сеть...»	123
«Эй, жена, снова март, посмотри...»	125
Тихое, шуточное, лирическое	127
Звезда	128
Это жизнь	130
Старый двор, жена и... 30 лет	132
Прогулка с женой	133
ВРЕМЕНА ГОДА	135
ЗИМА	135
РАЗ-очарование	136
«Старому году»	137
После праздника	138
Оттепель	139
Ноктюрн	141

Настроение	142
Это Январь!	143
Зимнее брюзжание	145
Хочу тепла!	147
Мысли в феврале	149
«Опять зима, опять заскоки...»	151
Зима начинается	152
Затяжная зима	153
ВЕСНА	153
«По последнему снегу пройдуся...»	154
Весна	155
Конец ознакомительного фрагмента.	156

**Жизнь, как она есть
Ироническая
философия в стихах**

Евгений Вермут

© Евгений Вермут, 2017

ISBN 978-5-4485-2776-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОСТАЛЬГИЯ

Время, которое нас выбирает...

«В тишине размякшего дивана...»

В тишине размякшего дивана,
С сигаретой, среди скучных фраз,
Вспоминаем жизнь свою, как манну,
Что с небес упала мимо нас.
Черт меня возьми, уж ни во сне ли,
Пробуждая к жизни аппетит,
Раньше мелочь весело звенела,
А сегодня пошло шелестит.
Прохудились старые карманы —
Как ни сунь, провалится рука.
Не найти нам больше старей «рванный»
В уголках подкладки пиджака.
И уже не скажешь, как бывало,
Двум друзьям под мартовским дождем:
– Что-то, братцы, вновь похолодало.
По рублю?
И в школу не пойдем.

Без названия

«Партия – это ум, честь и совесть нашей эпохи.»

(Л. И. Брежнев)

Под мерный звук Кремлевских перезвонов,
В нестройной разграбленной стране
Заткнутых ртов и попранных законов,
Мы о любви мечтали при луне.
Порой нас до зубов вооружали
В обмен на «ум», на «совесть» и на «честь»,
Но, как бы нас тогда ни унижали,
Мы все же знали – счастье где-то есть.
Давно уж нет «гнусавого кумира»,
Забыты те глухие времена,
Когда толпой кричали мы о мире,
Хотя внутри у нас была война.
Не слышен бой торжественных Курантов,
Разделена страна на «сектора»...
То тут, то там остатки демонстрантов
Орут, что хочешь, только ни «Ура!»
«Долой косых, чужих долой с базаров!
Даешь бесплатный кров и колбасу!» —
Вопят они, воняя перегаром
И грязным пальцем роются в носу.
Сейчас в ходу духовные мутанты —

Любая фраза, лозунг...

Только вновь

Никто из них не держит транспаранта

Из пары слов: «Да здравствует любовь!»

Нас времена не тронули иные,

Кем были, тем и есть, о чем жалеть,

Вот только нервы, некогда стальные,

Вдруг отчего-то начали ржаветь.

Детство золотое

Как-то раз гулял я, воздухом дыша,
Время убивая, шел я не спеша,
Брел, себе, по лужам раннюю весной
И забрел случайно в старый дом родной.
В старом-старом доме много старых лиц.
Замелькала память шелестом страниц...
И на лавку сел я, грусти не тая —
Золотое детство вспоминаю я.
Сказочные замки, башни в облаках,
Там синица в небе, а журавль в руках.
Мир волшебных сказок и великих дел,
Был бы под рукою уголь или мел.
Сколько изрисовано было этих стен,
Сколько было содрано об асфальт колен...
Вновь у белой стенки я стою с углем.
Мир, такой огромный, в кулаке моем.
Детство золотое...
Золотое ли?
Телом постарели, в сердце сберегли.
Был таким далеким двадцать первый век...
Вырос в ЧЕЛОВЕКА микрочеловек.
Но не тот, что раньше, к жизни интерес.
Где же это время будущих чудес?
Блеском удивленья не горят глаза.
Где же ты, Варвара-длинная коса?

Не гремит костями дедушка Кощей,
На полях не встретишь Трех Богатырей,
Не летает в ступе страшная Яга,
Рек молочных нет, из камня берега.
Старенькая книжка, первый мой «сезам»,
Что читала на ночь лучшая из мам,
Щеку согревало теплое плечо,
Замирало сердце: – Мам, давай еще.
Затаив дыханье, сказки слушал я
Про края иные, дивные края.
В тридевятом царстве сам я обитал,
На ковре летучем по небу летал...
Сколько нас наивных стриженных голов
Ожидало в детстве Алых парусов,
Но приплыл корабль и принес нам боль,
И увез одну, лишь, девушку Ассоль.
Бабушка Тортилла, твой подарок зол —
Драгоценный ключик, жаль, не подошел.
В люди мы не вышли, но один нахал
Кое-как отмычкой дверь расковырял.
С той поры он гордо ходит королем
Замок приобрел он вместе с кораблем,
Каждый год лечиться ездит за моря,
А на страже замка – Три Богатыря.
Детство золотое, мой дремучий лес,
Все еще в тебе я, но не жду чудес
От, уже далекой, призрачной страны...
Отвздохались грезы, отоснились сны.
Миражом проплыли, словно облака,

Берега кисельные, реки молока...
Где царит реальность, места нет мечте,
Здесь мечты другие, но уже не те.
Сказочные замки ветром унесло,
Замирание в сердце в боль переросло,
И, смеясь над нами в голубой дали,
Преспокойно кружат в небе журавли.

Напоследок...

Мы дурели от вермута,
Засыпали от Брежнева,
Но готовы по-прежнему
Нашу жизнь повторить.
Слушать неосторожные
Анекдоты дорожные
И словами несложными
Ни о чем говорить.

Вспомнить песни забытые,
Дымкой памяти скрытые,
Но еще не убитые
Новым ВРЕМЕНЕМ ЛЖИ.
И простые, и светские,
Пионерские, детские,
Даже антисоветские
Из заморской межи.

Мы бы прожили заново,
А не «телеэкраново».
Есть желание странное —
На прощанье обнять
Красным флагом отцветшую
И чуть-чуть сумасшедшую,
Так внезапно ушедшую

Нашу Родину-мать!

Когда-то...

Толпа друзей, дешевая пивнушка,
Хозяин, Алик, добрая душа...
Мы не считали выпитые кружки,
Глотая дни и пиво, не спеша.
И как нас только там ни называли,
Кося свой взгляд, соседние столы,
На то, как мы украдкой наливали
В пивной бокал вино из-под полы.
Мы пили дрянь с осадками науки,
Науки лжи, обмана и вранья,
Мы пили жизнь и морщились от скуки,
Осевшей илом прожитого дня.
Ну, что могли вчерашние подростки,
Спеша пожить, хоть жизнь совсем не бал,
А тот проспект, где нас на перекрестке
Держал за горло красный «стоп-сигнал».
Вот и нашли движению замену —
Дешевый бар, отдушину для ран.
Там вечерами били мы об стену
Прошедший день, как выпитый стакан.

Еще тогда (Вл. Высоцкому)

Еще тогда, когда умы не расцветали,
Пока не скажут им, когда и чем цвести,
Из «книжных мисок» мы утопию глотали,
Стремясь идейно и духовно подрасти.
Мы в благородство свято верили порою:
Из передач через эфир, через экран,
Вещали нам, что коммунизм не за горою
И это так, ведь перед ним был океан.
Мы «заводились», возмущаясь, с пол-оборота —
Вдруг предал Родину непризнанный талант,
Но «танцевальные программы» по субботам
Не пропускали, хоть и вел их эмигрант.
И был для каждого вопросом идиотским
(Не важно, где, будь то Находка или Брест):
Зачем на всех магнитофонах пел Высоцкий,
Когда по «телику» транслировали Съезд?
За душу бравшее с тоскою и надрывом:
«Я не люблю...», «О старшине...» и «Батальон...»
...Еще тогда мы обрели в душе нарывы,
А он вскрывал.
Он был один на миллион.

«Я не помню того, что делал вчера...»

Я не помню того, что делал вчера,
Но мне врезалось в память то, что было давно.
А давно – это Май и кино на «ура».
Новый Год и разбитое кем-то окно.
Помню юные лица старых друзей,
Поименно не всех, но посмертно – в анфас.
Неужель наша память – обычный музей,
Где хранится «давно» и нет места «сейчас»?
Твой вчерашний обед: то ли ел, то ли нет,
Может, дома, а может, заскакивал в бар —
Все слилось, но зато вот уже сорок лет
Помнишь яблоко, незнакомого пьяницы дар.
Детский сад, первый класс – четкий след, как от ран,
Старший брат, такой сильный и взрослый на вид,
Пионерский костер и не в такт барабан,
От которого сердце и сегодня щемит...
Каждый день, как один,
Близнецы – вечера,
Утро тоже похоже одно на одно,
Потому и не помню, что делал вчера,
Но навечно во мне то, что было давно.

Ностальгия

(А. Кривошеину)

Отращу «благородную плесень»,
Чем с ума посвожу всех старух,
И захочется мне в «преднебесьи»
Разузнать, как живет мой друг.
Мы с ним дети одной системы,
В наших душах один огонь.
Напишу я о нем поэму
И поеду к нему в Сморгонь.
Заявлюсь весь седой и поджарый,
Прихватив лишь стихи и «привет»:
– Здравствуй, Алик!
Это я, твой старый...
Сколько зим прошло, сколько лет...!
Мы задушим друг друга в объятьях,
Захлебнемся от слов, а потом,
Отдыхая от рукопожатий,
Пять минут помолчим о былом.
Вот теперь и начнутся расспросы,
Не спеша, под табачный дымок,
Про мои и его перекосы,
Кто, что сделал и кто, что не смог.
Мы обсудим жите и порядки,
Утвердившись в стотысячный раз,

Что была не такой уж и гладкой
Наша жизнь ни тогда, ни сейчас.
Мы безмолвно блюли интересы
Воротил от бредовых идей...
Хорошо, что есть средство от стрессов —
Это парочка старых друзей.
Потому и расшатаны нервы,
Потому и болезни от них,
Что редки наши встречи, во-первых
И все реже они, во-вторых.
Да, пуста наша жизнь и цинична,
В Преисподнюю путь не далек.
Что тут скажешь, когда неприлично
С голодухи распух кошелек.
Ах, как жаль, очень жаль, очень-очень,
Что по жизни нас Рок разбросал.
Я б просиживал все свои ночи
И писал бы, писал и писал...
Он, ведь, первый и лучший мой критик.
Я в глаза ему так и скажу:
– Это счастье, что ты не политик,
Только ткнись, я тебе покажу!
Пошучу, может зло и некстати,
И, неважно – он трезв или пьян —
Он поймет все и тут же подхватит.
Черный юмор в крови у славян.
Дым столбом над остывшими щами,
Пьяный говор и свет допоздна...
Где-то в полночь, покончив с делами,

К нам на кухню заглянет жена.
Покачнувшись на табурете,
Я задам ей дежурный вопрос:
– Как живешь, Валентина? Как дети?
Ты гляди-ка, как тетка подрост!
Я признаться хотел вам сегодня,
Это ж чудо, простите за лесть,
Знать, что здравствует где-то в Сморгони
Кто-то, названный так в твою честь.
Посидим за беседой банальной,
А супруга заварит чаек.
– Хорошо, что у вас все нормально
И у нас все пока нормалек!
Пусть не видим друг друга годами,
Это нам не мешает дружить.
Есть и плюсы от редких свиданий —
После них снова хочется жить.
...Вот и все.
Сутки Богу отдали.
Истожились и нет больше слов.
Ну, а все-таки, как оно, Алик?
Ну и ладно,
Цветных тебе снов!

«Как весел мир волнительных иллюзий...»

Как весел мир волнительных иллюзий,
В котором яд безвредней колбасы,
Но со времен Советского Союза
«Еще идут старинные часы».
Мы все живем по дедовской привычке,
Мы на работе спины гнем за стаж,
Вовсю гордясь «трудом» своим в кавычках
И сним ночами ленинский шалаш.
Не возратить утерянное «знамя».
Куда девался наш ленивый треп...
В минуты встреч со старыми друзьями
Мы вспоминаем старое взхлеб:
– А помнишь, как...
– Конечно, я ль не помню,
Перед глазами... вижу и сейчас...
То озерцо казалось нам огромным.
Вернуть бы дни, нырнуть хотя бы раз...!

Исчезла боль в ладонях от оваций,
Утихло эхо «съездовских» речей,
Мой стаж давно перевалил за двадцать
И популярен стал я у... врачей.
Сказали мне «светила от науки»:

– Коль хочешь жить, лечись.
И я лечусь,
Да толку в том, ведь я лечусь от скуки,
А от болезней сам уже свечусь.
Я излучаю наши достижения,
Я есть «продукт» Чернобыльской АЭС.
Не надо мне для света напряженья —
Я заряжаюсь прямо от небес.
Однажды я на облачко нарвался,
Его несло в мой синеокий край.
Хвала судьбе за то, что не распался,
Другой давно б проИЗОТОПал в рай.
Больничный двор – почти родная хата,
Нужды – ни в чем, лишь хочется узнать
Последний день восхода и заката,
И час, когда..., а впрочем, наплевать.
Смерть есть всегда, как есть и будут войны.
Земля моя, хоть ты мне обещаешь,
Что не умрешь
И я тогда спокойно
Сомкну глаза и выдохну:
– Прощай...

И я ЖИВУ, не знаю, как другие,
Как ни звучат слова мои смешно,
Благодаря одной, лишь, ностальгии,
Живу былым, ведь это не грешно.
Пока жива любовь в моем сознание
И не просохли ноги от росы,

Пока я помню первое свиданье,
«Еще идут старинные часы»...

В. Данилову (другу-поэту, переехавшему в Минск из Украины)

*Родина – это место, где родился
где невозможно жить,
но по которому постоянно скучаешь.*

Говорил мне знакомый один (он поэт):
– Что-то счастья давненько в стихах моих нет.
Рифмы лезут какие-то грустные...
В общем, Женька, погано и гнусно мне.
Опостылело все: и чужбина-тюрьма,
И квартирная пыль, и квартира сама.
Не иметь мне за жизнь эту ордена.
Брошу все и уеду на родину.

А на родине той – ни тепла, ни воды,
Нет и света давно, лишь остались сады.
А сады те мне тоже до лампочки. —
Мне залезть бы в домашние тапочки...
Мне бы к старым друзьям, посидеть-покурить,
Мне бы старым подругам улыбки дарить.
Поболтать ни о чем есть желание.
Ну и выпить сто грамм за компанию.

Я одет и обут, и живу королем,
А на родине стены пропахли углем.
Сколько троп было мною там пройдено...
Я забыл, какой запах у родины.
Здесь рассветы не те и туман не такой,
Даже тучи пропитаны смертной тоской.
Мне б – в грозу и поднять к небу голову.
Не здорово бы было, так здорово!

Наплевать бы на все, к чему раньше спешил,
Вот тогда бы я, думаю, снова ожил.
Ну, на что эта клетка просторная,
Где зачухну без времени скоро я.
Не желаю – вот так.
Разорву черный круг.
Так, что, Женька, ты знай – коль позвонишь
И вдруг
Там гудки бесконечны до странного,
Значит все, значит начал я заново.

Старым коммунистам

Стареем мы и память стала ржавой,
Но иногда, сквозь ржавчины налет,
Вдруг проступает бывшая Держава
И вновь уснуть спокойно не дает.
И мы кряхтим, ворочаясь устало:
– Ну, как же так, страна, ведь, не строка?!
Она ж была, согласно «Капиталу»,
Возведена как будто на века!
Чужой рукою вычеркнуты годы,
Из старых «истин» выжила лишь ложь.
Социализм, как вышедший из моды,
Пошел под нож, решительно – под нож.
Не мне судить, но что-то здесь не чисто,
Ведь это факт, клянусь своим отцом,
Что те слова «считайте коммунистом!»
Уже сродни – «считайте подлецом».
Зато опять работаем «для галки»,
Ругая вскользь начальников и сны...
Ох, как нужна нам старая закалка
И твердый дух для будущей Страны!

Юным

И я «бренчал» когда-то на гитаре,
И что-то там пытался напевать,
И я плевал на все, скучая в баре,
Стараясь только на пол не плевать.

И я любил по-пушкински – вздыхая,
И я бродил у милой под окном,
И точно так меня в начале мая
Сводил с ума весенний первый гром.

Я не забыл, как сладостно мириться,
Твердить «прости» и снова наругать.
Как мало сил нам надо, что б влюбиться,
Как много сил нам надо, что б любить.

Я повзрослел с тех пор неимоверно,
Спокойней стал и жизнь не тороплю.
Спешите вы и, думаю, наверно,
Для вас я стар – обидно, но терплю.

Я постарел, конечно, только телом,
Зато душа, как прежде, молода,
И даже кровь еще не откипела,
И все желанья живы, как тогда...

Готов я снова к саморазрушению,
Готов любить и ей одной шептать
Слова любви,
И до изнеможенья
Превозносить божественную стать.

Увы, не мне, а впору вам бодриться
Я на пути, а вам еще стареть.
Как мало сил нам надо, что б родиться,
Как много надо, чтобы умереть...

Было...

Лежал как-то ночью – не спалось. Отчего-то вспомнилось, как тогда, в «перестройку», по субботам выстраивались очереди в газетные киоски за «толстушками» и обычными газетами. Маленький, но очень яркий промежуток жизни для всех нас, дышавших воздухом того времени...

Взял я водки бутылку для стимула,
Бутерброд, сигареты и семечки,
Выпил «сто», закурил и нахлынуло —
Вспомнил, что-то, «горбатое» времечко...

Было время зловеще-тор-р-ржественным,
Когда воздух казался наркотиком.
Опьянение было естественным.
Неестественной – только эротика.

Мы кричали с порога родителям —
Скоро будет, мол, жить интереснее.
Отвечали отцы снисходительно:
– Что нам надо – дожить бы до пенсии...

Но уже надоело нам жить взаимно,
Быть и жертвой, и чьим-то орудием...
Ах, с каким наслаждением утром мы
Наливали в стакан словоблудие!

Осознав, вдруг, что люди не лошади,
Со словами «свобода» и «матерью»,
Осаждали мы скверы и площади,
С кулаками ломаясь в демократию!

Обещанья набили оскомину,
Но не выбить дававших с плацдарма их.
Сколько касок шахтерами сломлено...
Столько мальчиков не было в армии!

Повзрослели с тех пор, научились жить,
На испуг не возьмешь нас эротикой.
Мы и воздух давно уже выпили,
Заменив настоящим наркотиком.

Время лечит склерозом и водкою,
Мне действительно жить интереснее.
Побазарю на лавочке с тетками.
Что мне надо – дожить бы до пенсии...

Смерть. Друзья. Время

Грозный наш «новострой»
Запер жизнь «под печать».
Прошептал бы порой,
Но нельзя не кричать.
Что я в жизни успел
И зачем к ней прилип?
Хорошо, что не пел —
Я давно бы охрип.
Государство – музей,
Здесь не нужен билет.
Было много друзей,
Но за несколько лет
Повинуясь судьбе,
Унесла круговерть...
Не в обиду тебе —
Постаралась ты, Смерть.
Я тебя не виню
В том, что их пережил,
Только часто я сню
Тех, с кем с детства дружил.
Затащили в бедлам...
Дней былых не вернуть.
Дали выдохнуть нам,
Но не дали вздохнуть.

Хлеб детства

Что-то серое нынче и грустное небо,
Настроение – вспомнить, как в детстве порой
Ты попросишь у мамки горячего хлеба
И – бегом «добегать» со своей детворой.

А потом – по гостям – по дворам – по оврагам,
Как бы ни были наши дома далеки,
И уже не один ты, а всею ватагой
Уплетае «чудо» за обе щеки.

Улыбаются нам всюду встречные дяди,
Наблюдая, как мы своей грязной рукой
Мякиш – в рот и жуем, на приличья не глядя:
Ну, откуда им знать, что он вкусный такой!

Я давно не встречаю «бригады» чумазой,
С наслаждением мнущей в руках аромат,
Аромат нашей жизни – той жизненной фазы,
Не вернуть никогда нам которой, назад...

Повзрослели друзья, стол имеют богатый,
Перешли все давно на насущный свой хлеб,
Но не тот он, конечно, каким был когда-то,
Да и способ еды его тоже нелеп.

Пригласить бы друзей, рассадить, как попало,
Да из печки достать бы, включив яркий свет,
Хлеб, которого было всегда нам так мало,
Босоногого нашего детства «привет».

Налетайте, родимые, рвите руками,
Превратитесь на час в бесшабашную рать,
Вы забыли давно, как бывало, мы с вами
Ни штанов, ни рубах не боялись марать...

Что-то капнуло вдруг, посмотрел я на небо,
А оттуда мне тучи тревожно кричат:
– Ах, ты старый дурак, не видать тебе хлеба,
Забирать уже нужно из сада внучат!

МОНОЛОГИ

**Мысли людей, животных,
а также неодушевленных
предметов. Шуточные и серьезные.**

Монолог землекопа

Раньше я любил природу,
Потому и ямы рыл.
Я копал их для народа
И собой не дорожил.
Поприветствуешь прохожих,
Смотришь – аисты парят,
И душа рвалась к ним тоже.
Вдохновенье – говорят.
Чем я только ни работал:
И лопатой, и ломом,
И кувалдой до ломоты,
И отбойным молотком...
Если взять все ямы вместе,
Что за жизнь я накопал,
Можно будет с Эверестом
Спрятать маленький Непал.

Жали руку мне, хвалили,
Уважали, берегли
И... бессовестно делили
За спиной моей рубли.
Приговаривали: – Вот он,
Наш ударник, парень свой.
Молодец! Давай, работай,
Но, смотри, не головой.
Думать – это дело наше,
Так что, парень, не скучай —
Мясо ест лишь тот, кто пашет,
Кто не пашет – хлещет чай.
Помни твердо днем и ночью:
Ты – ИСТОРИИ творец.
Знай, что звание «рабочий» —
Строя нашего венец.
В землю по-уши заройся,
Плюй в ладони и пыхти,
А за денежки не бойся —
Это бремя нам нести.
Я «давал», всю старался,
Где бы ни был, что б ни рыл.
Я на них не обижался,
Я ИСТОРИЮ творил.
Но ЕЕ, как оказалось,
Сотворил в краю родном
Человек, плешивый малость,
С подозрительным пятном.
Там, где аисты парили,

Нынче кружит воронье,
Там, где молодцы ходили,
Бродит пьяное рванье.
Вновь сбылась очередная
Поговорка (про мигрень) —
Есть охота, только дай им,
Но работать что-то лень.
Впрочем, дело не в охоте,
Люди те же, мир другой.
Можно было б поработать,
Да зарплаты никакой.
Тяжела про жизнь задачка,
Где решение, где ответ,
То ль получка, то ль подачка,
То ль работал, то ли нет?
Расплодилось много нищих,
Много пьяниц и путан,
На заводах ветер свищет,
А в кармане – ураган.
Этот самый, лысоватый,
Многим людям указал
Путь последний, путь горбатый
На метро и на вокзал.
И теперь, скажу я прямо,
Если б раньше знать его,
Я всю жизнь копал бы яму
Для него, для одного.

Монолог ограбленного инвалида

Про меня знакомые говорят, что «тронут» я,
Многие пугаются, ходят стороной.
Только не могу, ведь, я в опустевшей комнате,
Убежал от горя бы, да оно со мной.
Я вчера на брудершафт пил кефир с товарищем.
Он спросил чего я хмурый, бледный, чуть дышу.
Не забылась, – говорю – у меня беда еще.
Он проникся, говорит: – Хочешь, рассмешу?
И тогда мой старый друг подло обманул меня.
Он сказал: – Не видел раньше благородней лиц.
Ты похож на фараона, натурально – мумия,
Из каких таких чижовских* вышел ты гробниц?
...Я потратил весь кефир на лицо евоное,
Вытряс все до капельки. (Что ж мы, не друзья?)
Может, я и мумия, только не сушеная.
Но позвольте, граждане, я начну с нуля.

Для своих немалых лет я вполне рентабелен,
И в ближайший магазин сам еще хожу.
С нашими соседями я коммуникабелен,
Потому что тщательно за собой слежу.
Я тут в общежитии занимаю комнату.
Я провел в ней, граждане, лучшие года.
Не ходил я по миру со спиною согнутой.
Жить бы припеваючи да стряслась беда.

Снова жизнь не удалась, будь она неладная —
«Подмела», ограбила воровская гниль.
Сперли, гады, денежки, тапочки парадные
И подарок бабушкин – именной костыль.
Я вернулся затемно (есть, там, старушенция),
Вижу, дверь распахнута и пустой порог.
Славно поработали, лучше интервенции.
Зарыдал я горестно и надолго слег.
Не припомню, сколько дней пролежал безвольно я.
Весь пропал, поверите ль, к жизни интерес.
Растрясла соседушка, баба сердобольная:
– Ты, когда опомнишься, загляни в Собес.
Исхудал ты, батюшка, только зубы светятся,
Подойди, пожалуись – может, что дадут...
Я подумал про себя и решил проветриться,
Разузнаю, навсего, а за спрос не бьют.
Знать бы раньше, не пошел в это заведение.
С ихними законами я ни в зуб ногой.
До чего ж бумажное нынче поколение...
Впрочем, это лишнее и рассказ другой.

Я полдня Собес искал, начал поносить его,
А когда набегался и пришел домой,
Вдруг увидел я его рядом с общежитием.
(Вот он, дом – пожалуйста, а напротив – мой!)
Долго пробирался я лестничными маршами,
Вышел прямо к Главному (что за кабинет!)
Книги снизу доверху, папки с секретаршами...
Повидал я всякого, а такого нет.

То ли я так постарел, то ли «кадры» юные?
Харя у начальника – хоть на барабан,
Девки, как овечки там, сплошь все «тонкорунные»,
Волки так и крутятся, ну, а шеф – чабан.
Я стою, разинув рот, у меня смущение.
Я в Собесе, наконец, или тут базар?
Вдруг случилось с «чабаном» светопреставление —
То ли приступ от бумаг, то ль другой удар.
Он свалился на ковер, что-то шепчет, крестится.
(Во, переработался, явно перегнул)
Долго он с поклонами нес мне окоlesiцу,
А потом опомнился и придвинул стул.
Мне не ловко, я не брит, да и морда сонная,
Ну, а он не брезгует, видно, что простой.
Извините, – говорит – спутал вас с иконою,
Вы такой потресканный – как ни есть – святой.
Расскажите, кто такой, по какому поводу,
Почему хромаете и зачем пришли.
Если за пособием, приведите доводы,
Только не подумайте, что ослов нашли.
Я ему и так и сяк, инвалид, мол, с детства я,
Сирота, без матери бабушкой возвращен.
Раньше подрабатывал, молодым не бедствовал,
А когда состарился, помогал район.
В общем, рассказал ему все, как было, начисто:
И про поглумление над родным гнездом,
И о том, что за костыль и какого качества,
Даже про соседку и про чертов дом.

Он с вниманием выслушал и ответил ласково:
– Что ж, поможем, бабушка, понимаю я.
Только пару справочек принесите завтра вы.
Дело пустяковое, но без них нельзя.
Справки от сексолога, от невропатолога
И от геронтолога в том, что вы старик,
Справки от уролога и от гинеколога —
Если вы беременны, значит не мужик.
Справку от астролога, справку от уфолога —
Не хватало нам еще инопланетян.
Справку от зоолога, справку от кинолога —
Может вы не «Рудер-», а просто добер-ман.
Справку от психолога, что мозги шевелятся
И из психдиспансера в том, что вы не псих,
И на вшивость, заодно, съездите проверить.
Мы и так тут чешемся, много вас таких.
Кажется, закончили. Чтой-то вы растеряны?
Вот, еще заполните несколько анкет...
Он ехидно щурится и с улыбкой Ленина
Подает увесистый, с килограмм, пакет.
У меня от «радости» помутилось зрение,
Слезы покатались по седым усам.
Взял я этот сверточек, отшвырнул с презрением,
Плюнул на ковер ему и свалился сам.

Вот и вся история, граждане, надрывная.
Не сидеть бы мне сейчас, не глотать бы пыль
И не петь бы мне для вас песни заунывные,
Если бы не тапочки да не мой костыль.

И не зря знакомые говорят, что тронут я
Да еще пугаются, ходят стороной.
Только не могу, ведь я, в опустевшей комнате.
Убежал от горя бы да оно со мной...

* Чижовка – «популярное» минское кладбище

Афродита

(письмо бывшего гинеколога из «сумасшедшего дома»)

Несравненная Афраня!
Сообщить хочу тебе —
Находясь уже «на грани»...,
Может, даже «на ребре»...,
В редких проблесках сознания
(Жаль, не долг этот миг)
Для тебя, моя Афраня,
Я сварганил этот стих.
Я лежу сейчас в больнице.
С чем, сказать я не могу,
У меня, как говорится,
Затемнение в мозгу,
Но в минуты просветленья
Я пишу тебе о том,
Как попал я, к сожалению,
В этот чертовый «содом».

Жил когда-то я солидно,
Что б ни делал, не спешил
И мужчина был я видный,
Только изредка грешил.

Состоял мой круг знакомых
Исключительно из дам.
Так, ведь, парень я «не промах»,
Развит был не по годам.
Захожу я так, бывало,
В свой рабочий кабинет,
А за мною бабы – валом,
Целый день отбоя нет.
Правда, некто без причины
Слухи сеял, что не я
Дам опутал, как мужчина,
А профессия моя.
Он коллега по работе
И сосед через стену,
Но меня он не заботит.
Разбираться с ним?
Да, ну...
Я не мститель по натуре,
Чужда мне любая месть.
Морды бить друг другу с дуру?
Не великая ли честь?
Да, я врач по женской части
И знаток интимных бед.
Не такое это счастье,
Как считает мой сосед.
Я, порой, бывал запарен,
Но свой тяжкий труд любил,
Потому и популярен
Сильно я у женщин был.

Я старался быть тактичным,
Сам не лез к душе ни чьей,
Но об их проблемах личных
Помнил все до мелочей,
И твое ко мне явление,
Дорогая Фарида,
Я запомнил, как знаменье
И наверно навсегда.
Помню рваные колготки
И дешевое пальто,
Помню все, до нижней, шмотки
И... (еще, там, кое-что).
Появилась ты неожиданно,
Словно вихрь, ворвалась
И кривляясь беспрестанно,
Афродитой назвалась.
Я спросил тогда сердито,
Издеваясь над тобой:
– Уж не та ли Афродита,
Что родил морской прибой?
Ты ответила не сразу,
Ухмыляясь краем губ.
(Повторять такую фразу
Здесь не буду, я ж не груб).
Закряхтел я от досады,
Заалел, как в поле мак
И почувствовал засаду —
Я, ведь, тоже не дурак.
Я взглянул еще раз грозно

Вглубь твоих бесстыжих глаз,
Только было уже поздно,
Я совсем в тебе увяз.
Словно крот из подземелья,
Я наверх не посмотрел,
Вылез наружу с похмелья
И от света одурел.
Я с ума сошел мгновенно
И с тех пор не ведал сна,
Видно, вышла ты из пены
От Шампанского вина.
В тот же день я очень рано
Кабинет оставил свой
И тебя, косой и пьяной,
Приволок к себе домой,
Отмочил в воде горячей,
Все грехи твои отмыл
И едою холостячьей
До отвала накормил.
Быстро вывел из запоя,
Там, где надо, подлечил
И зажили мы с тобою,
Как ни кто до нас не жил.
Каждый вечер в ресторане,
В крайнем случае, в кино,
А один раз (помнишь, Франя?)
Мы попали в казино.
Я любил неосторожно,
Отказать ни в чем не мог,

Знал, что ты трясла безбожно
И меня и кошелек.
Я купил тебе квартиру,
Всю обставил, как музей:
От балкона до сортира —
Настоящий Колизей.
Но, когда тебе, желанной,
Преподнес в подарок факс,
Намекнула ты туманно,
Что неплохо бы и – в ЗАГС.
Я взбесился не на шутку,
Взбеленился, озверев,
И сказал довольно жутко,
Еле сдерживая гнев:
– Дорогая Афродуся,
Должен я предупредить,
Только сядь и не волнуйся,
Что б случайно не родить.
Я тебе не угрожаю,
Не подумай, что боюсь,
Но, пока соображаю,
Хоть разбейся, не женюсь.
«Гименеевские узы»
Далеко не для меня,
С этой дряхлою обузой
Мне не выдержать и дня.
В ЗАГС твои хмельные штучки
Не заманят никогда,
Лучше я напьюсь с получки,

Чем тебя свожу туда.
Нашумел я, наскандалил,
Может лишнего сбрыхнул.
Хорошо, хоть, не ударил —
Просто так рукой махнул.
Перебрал, конечно, лишку,
Ну, а дальше, злись не злись,
Из-за штампа в глупой книжке
Мы на годы разошлись.

Где теперь ты, Афродоля?
Может, там, на небесах?
Я натер уже мозоли
На слезящихся глазах.
Может, снова ходишь босой,
Соблазненная юнцом,
Со своим горбатonosым
Древнегреческим лицом.
Я, вообще, мужик не хлипкий,
Но разлук не выношу,
Я признал свою ошибку,
О которой и пишу,
И со всем своим стараньем
Постараюсь доказать,
Что имею я желанье
Свою жизнь с твоей связать.
Говорят, что время лечит,
Это с детства слышу я,
Но меня оно калечит,

Если рядом нет тебя.
Становлюсь я страшно скучный,
Очень нервный и плохой,
К санитарам равнодушный
И с врачом своим глухой.
Афродита или Фрося
Или, как тебя, там, звать,
Мне бы взять тебя за косы
И забросить на кровать.
Появись же поскорее,
Свадьба будет «от и до»,
Я давно мечту лелею
Свить совместное гнездо.
Вечерами, Афрозина,
Я брожу туда-сюда,
Время тянется резиной,
Продвиженью нет следа.
Я, исколотый врачами,
Съел таблеток килограмм,
Я ворочаюсь ночами
И вздыхаю по утрам.
Я ищу тебя по свету,
Я пол мира облетал
И в Вечернюю газету
Объявленье накатыл:
Мол, жениться есть причина,
Обеспечен до седин,
Ждет вторую половину
Ее первый половин....

У меня своя охрана,
Сам на белом я коне.
Никакие «тамерланы»
И не сунутся ко мне,
Только часто в полнолуние
Подвываю от тоски...
Ты мне сердце, Афродуня,
Разрываешь на куски.
Приезжай ко мне, отрада,
Ты узнаешь блеск и шик,
Ждет тебя моя награда,
Ведь не зря же я мужик.
Все прививки я прошедший,
У меня по горло льгот,
Я же в доме сумасшедшем
Квартирую третий год.
В потолок плюю весь день я,
Одному, лишь, я не рад —
Беспокоит привиденье,
Облаченное в халат,
А в окно, на женщин глядя,
Угрожаю кулаком.
Называют меня дяди
Сексуальным маньяком.

Монолог игрального автомата

Я отдаю хозяину долги
И тут же, в зале, набираю снова,
И знаю я, что брать мне «не с руки»,
Известно мне, что это бестолково.
Я не люблю быть связанным по швам,
Но никуда от этого не деться.
Я навсегда приписан к должникам
За чей-то брак, смонтированный в детстве.
Я не припомню тот проклятый день,
Когда, вдруг, стал игральным автоматом,
Я без конца глотаю дребедень,
А отдаю награбленное матом.
Все люди злы фальшивой добротой,
Я слишком часто в этом убеждался —
Меня снабдили внешностью крутой,
Но выдать «кольт» никто не догадался.
Пинают все, кому не повезло
Услышать, слух ласкающие, звуки,
И все в лицо плюют, срывая зло,
И все зовут бандитом одноруким.
Жжет в глубине разбитого нутра,
Помята грудь железной оболочки.
Я обождать молю их до утра,
А утром снова требую отсрочки.
Все говорят вокруг, что я богат.

Да, я богат, но гибну без свободы.
Я масло пью, как винный суррогат
И заливаю выжженные годы.
Один «подход» и два, и даже три —
И вот уже я горд и независим,
Но под панелью красочной, внутри,
Ждет от судьбы душа счастливых писем.
Невмоготу тревожный этот зуд,
До аллергии, до изнеможенья.
За что такой несправедливый суд
И приговор: битье и униженье?!
Мне надоело ждать, когда меня,
Как мухи – мед, облепят кредиторы,
Обгадят корпус, мать мою браня,
Отключат сеть и выкинут моторы.
Я лучше сам приближусь к ним на шаг —
В какой-то миг изменится программа
И мой клиент, подергав за рычаг,
Прочтет: ВАШ ВЫИГРЫШ – ДОЛГОВАЯ ЯМА!
Ну, а пока не тронуты мозги,
И претворюсь тупым и бестолковым,
Я отдаю хозяину долги
И граблю всех, в долги влезая снова.

Бычья весна

Отчего так тоскливо и муторно
В день, когда все пичуги поют,
Почему в час вечерний и утренний
Стал не мил мне мой скотский уют?
Тело хочет в безумства удариться,
Потянуться и громко вздохнуть,
На оттаявших травах распариться
И соседа рогами боднуть.
Эх, глаза мои, кровью налитые —
То ль влюбился я, то ль переспал —
Нервы ранами стали открытыми,
Видно за зиму их истребал.
Пучит ноздри от ветра пьянящего,
Не до сена мне и не до сна.
Перед мордой нахально-навязчиво
Красной тряпкой маячит Весна.
Ночь все меньше и день увеличился,
Чую – дурью запахло в хлеву.
Неспроста я сегодня набычился —
Землю рою и привязи рву!

Эх...!

(монолог мастера производственного участка)

Эх, погодка-то нынче красивая!
Тридцать градусов.
Благодать!
Работяги такие ленивые,
Что словами не передать.
Старший в будке закрылся, бестия.
(Ну, какой для рабочих пример?)
Руководство готовит он к действию,
Подрубив кондиционер.
Вот задвинется солнце за облачко,
Покажу я им «кузькину мать».
Эх, на речку б и пива с воблочкой,
Окунуться б и подремать.
В горле сухо, как после пожарища,
Никакою водой не зальешь.
Две минуты походишь – запаришься,
Шевельнешь рукой – потечешь.
Красота?
Красота-красотинушка.
Кто б в пивной заточил меня бар.
Скоро солнце своею дубинушкой

Нанесет мне последний удар.
Стать бы мне в море пива подлодкою,
Да залечь на полгода на дно.
Эх, послать бы всех вместе с работкою,
Надоело все это давно.
Что за лето какое-то странное,
Сам себя я вчера не узнал.
Я подружку свою ненаглядную
Отбивной на свиданье назвал.
И гонял я весь вечер любимую,
Норовя что-нибудь оторвать...
Эх, погодка-то нынче красивая!
Тридцать градусов.
Благодать!

О мимолетном... (МОНОЛОГ МИШЕНИ)

Для кого-то счастье – это ноги,
Для кого-то – деньги и жена,
Для кого-то благо – вера в Бога,
Ну, а я мишенью рождена.
Я – мишень, в которую стреляют,
Только пули знаться не хотят,
Мало им, что мимо пролетают,
Так еще презрительно свистят.
Что уж я с собой ни вытворяла,
Даже подрисовывала круг,
Но Судьба, как видно, выбирала
Более удачливых подруг.
Снова чье-то счастье проскочило,
Легкой дымкой свой отметив путь,
И сухим горохом застрочило,
Веером, ложась в чужую грудь.
Все равно с мечтой я не рассталась,
Хоть все чаще думаю о том,
Почему мне пули не досталось,
А соседка стала «решетом».
Вот, опять одну из них задело
Далеко за мною, позади,
И стыдливо «яблочко» зардело

В центре разукрашенной груди.
Для меня нет дырочки дорожке,
Ведь не зря мой дом – огромный тир.
Пусть жестока жизнь моя и все же
Это мой «трассирующий» мир.
Всех подруг давно изрешетили,
Мне до них, конечно, далеко.
Пуль своих они не упустили,
А мои умчались в «молоко»...

Монолог кирпича

Кирпич на кирпич,
На растворе крутом,
Бок о бок,
Рядами и ввысь —
Это дом.
Не страшен нам смерч и любой ураган,
Пока нам дар жизни строителем дан.
Мы – микрорайоны,
Мы – микромиры,
Мы служим на совесть до самой поры,
Той самой поры, пока Времени срок
Не выйдет
И нас не рассыплет в песок.
Не важно, каких ты набрался идей,
Мы всех защитим от ветров и дождей,
Согреем собой,
Потому что, мой друг,
Внутри нас тепло человеческих рук.
Не верьте тому, кто сказал сгоряча,
Что чье-то лицо жадно ждет кирпича.
Характер мой жесток, но я не буян
И груб я на вид, но не в этом изъян.
Из глины слепил меня Ты, человек.
Другой мною бросил в тебя же,
И век

Теперь я виновен и судят меня
За то, что летел.
НО КИДАЛ, ВЕДЬ, НЕ Я!
За то, что «случайно» упал из окна,
За то, что попал
И за то, что стена
Встает
И не хватит тут силы ни чьей,
Разрушить барьер из сплошных кирпичей.
Порой от бессилья и просто со зла,
В упор или в спину
И из-за угла
Удар, вдруг, наносит бродяга любой...
Как жалко, что я не владею собой.
На всех площадях городов или сел
Тому, кто сложил нас и в степень возвел,
Кто нас уважал,
Стеллу Памяти я
Воздвиг бы
И первым вложил бы себя!

Соло для станка с катушкой (намотчикам МЭТЗ им. В.И.Козлова)

*Я – ЯК, истребитель
Мотор мой звенит,
Небо – моя обитель,
Но тот, который во мне сидит,
Считает, что он – истребитель...
(Вл. Высоцкий «Як – истребитель»)*

Я был зачат самой природой,
Землею выношен до дня,
В который всю мою «породу»
Свезли в Святилище Огня.
Когда-то, помню, перед домной,
Простою будучи рудой,
Мечтал о будущем я скромно
И быть хотел сковородой.
Мне жить хотелось по-простому —
В кругу хозяйственных забот,
Но стал моим родильным домом
Станкостроительный завод.
С тех пор катушки неизменно
Кручу почти полсотни лет,
Ведь я станок обыкновенный.
Не о таком мечтал я, нет.

«Пашу» без устали в две смены,
В себе не сдерживая прыть,
И я не требую замены —
Мне просто нечем говорить.
Один мотор, гора железа
И два ремня, как пара жил,
Вращают вал мой «до зарезу»,
Что б я мотал, вертел, кружил...
Полсотни лет мне нет покоя,
Но я ж не вечный, мне ль не знать,
На самом деле, что такое
«На всю катушку отмотать».
А тот двуногий – он из стали,
Он никогда не устает,
Все время давит на педаль он,
И молотком нещадно бьет.
Я терпелив, но мне же больно,
Дрожит и стонет каждый винт,
И все же чту я добровольно,
В меня заложенный инстинкт.
Стою безропотно и молча
В ряду таких же, как и я.
Я плохо жил и плохо кончу,
Но есть надежда у меня:
Когда я стану бесполезным,
В одну из проклятых ночей,
Закрыв глаза, уйду я в бездну
Плавильных каменных печей.
Из искореженной болванки

Я возвращусь опять в металл,
И, может быть, я стану танком,
Разрушив все, что «отмотал»!

Свеча

Я, лишь, свеча,
Но как мне надоело
Злым огоньком плясать в чужих очах.
Светить, так всем, а не мерцать без дела.
Ну, разве дело – пьянка при свечах?
Ночной кабак: то вскрики, то затишье,
Интимным гулом переполнен зал.
Я в тишине...
И я тогда не лишний,
Когда пустым становится бокал.
Всю ночь один,
Но верю, что не зря я,
Как часовой был стойким и немым.
Я так устал,
Я плавлюсь, отекая,
Свои тепло и свет отдав другим...

Монолог интернетчика

Я живу в параллельном мире,
(В этом мире материй нет),
В безвоздушной своей квартире
Под названием Интернет.
Здесь никто надо мной не властен,
Я свободен в своей Стране.
Виртуальное сладострастье —
Вот, что нужно сегодня мне.
Я зимой погружаюсь в лето,
Превращая снега в моря.
Я познал уже все секреты
«Безвоздушного» бытия.
Мне давно не страшны напасти,
Я на дразги давно плюю.
Не воруя чужое счастье,
Создаю я судьбу свою.
Независим я, и при этом,
(Вам легко подтвердит любой)
Только здесь могу быть поэтом,
Только здесь могу быть собой.
Сколько выдавил слов из клавиш,
Сколько мерзких я стер имен...
Столько нечисти не удавишь,
Как бы не был смел и умен.
Я живу, ни о чем нимало

Не жалея и не скорбя.
Сотворил я свои Анналы
И впечатал туда себя.
Я скажу (только между нами):
Сам себе я теперь ЗАКОН.
На Рабочем Столе, как в Храме...
Я молюсь на полста икон.

Монолог тещи у окошка (к 8-му марта)

Надоела мне кухня до дури,
Посижу пять минут у окошка.
Если б кто побывал в моей шкуре,
Пожалел бы меня хоть немножко.
Рано утром встаешь недоспавшей,
Надо завтрак готовить для зятя.
Самому ему лень, он «уставший»,
Ему тяжело подняться с кровати.
Дочка тоже совсем разленилась,
Из забот только губы и брови.
Только стирку закончишь, явилась.
Хорошо так, когда наготове.
И ни доброго слова, ни ласки
Не дожидаться от них, от обоих.
А потом целый день, словно в сказке,
Я в ней ведьма с ведром и метлою.
А на улице люди гуляют,
Тут не видишь и белого света.
Целый день город «ваньку валяет».
Дармоеды, работы им нету!
И откуда же столько народа,
Кто-то с сумкой, а кто-то с подругой.
Вон, мужик «поливает» природу,

Видно, пива напился, пьянчуга.
Нет, стальные иметь надо нервы,
Выходить из себя есть причина.
Как ни девка, так юная стерва,
В то же время, какие мужчины!
Вот, родись я на двадцать лет позже,
Я была бы хорошей женою
Вон, тому, с краснощекою рожей.
А теперь он с другой – не со мною.
Та, другая, я вижу, спесива
И характер, видать, агрессивный.
Что с того, что стройна и красива.
Я, ведь, тоже была не противной.
Что ж ты споришь-то с мужем, голубка,
Что-то в крик на ходу обсуждая.
Бесполезно, сожми свои губки.
Впрочем, мне-то... Она ж молодая.
В наше время скромнее мы были,
Знали – вякнешь – останешься с носом.
Вон, еще одна, льет, крокодилы,
Вымывая из мужа запросы.
Вот и март... Холода отступают.
Сыты все уже этой зимою.
Зять обмолвился, дверь открывая:
– Буду рано, ведь завтра «восьмое».
Снова, дурень, забудет про совесть,
На подарки все деньги истратив.
Ладно, что, там, пора и готовить.
Надо встретить любимого зятя.

Монолог двери

Злые жильцы из родного подъезда,
Сколько же вы меня рвали!
Все, кроме тех, кто пока что в отъезде,
Да и чужие достали.
Дом, как картинка и двор аккуратный,
Люди культурные, вроде,
Ходят и ходят туда и обратно,
Хлопают мною на входе.
Бьюсь я об раму, весь дом сотрясая,
Петли в бессилье скрежещут.
Чтоб вам отверзлось, – жильцам я бросаю, —
Только намного порезче!
Дети-милашки и даже старушка,
Пьяница с красною рожей...
Бьют целый день, но, ведь, я же не пушка,
Я и не колокол тоже.
Может, какой-нибудь мелкий чиновник
Двери закрыл перед вами.
Вот вы и мстите, но я не виновна,
Ну, уступите же даме!
Люди, родимые, остановитесь,
Я же совсем не такая.
Не заперта я, так что же вы злитесь,
Разве я вас не пускаю?
Но лишь пинки – ежедневная взбучка —

Выдержу долго едва ли.
Я бы на помощь подвигала ручкой,
Только все ручки сорвали.
Ночью безмолвной, походкой неровной,
С вечной оглядкой, неловко
Бомж иногда приласкает любовно,
Тихо пройдя на ночевку.
Вы мне когда-нибудь праздник устройте
(это мне будет наградой) —
Тихо откройте и тихо закройте,
Большого мне и не надо.
Но, как всегда, и зимою, и летом,
Круглые сутки песочат.
Ох, поскорей бы конец, что ли, света!
Ох, дотянуть бы до ночи!

Наивные мысли старого двора

Старенький двор просыпается рано,
Томно вздыхает и чешется ветром,
Долго потом удивляется странным
Людам на улице в кедах и гетрах:

– Как же смешно наблюдать мне за вами.
Вы же без крыльев, вы вовсе не птицы.
Сколько бы вы ни махали руками,
Вы все равно никогда не взлетите.
Как вы ни прыгайте, тети и дяди,
Вам ни за что не допрыгнуть до неба.
Выгоды нет (а чего еще ради) —
Нет вам причин для полета.
Вот, мне бы
Облачка нежность почувствовать травкой
Или в грозу целиком окунуться,
Смыть все окурки и мусор под лавкой,
Может и юность смогла бы вернуться.
Вдруг бы открылось второе дыхание,
Стал бы похож я на парк или садик,
Радовал мам бы, но утренней ранью
Должен терпеть толстых «тетек и дядек».
Мне бы смотреть только в детские глазки,
Мне бы сушить для них горы пеленок...
Вот, наконец-то, и мама с коляской —

Это единственный в доме ребенок.
Что же стряслось с моим маленьким миром,
Что и когда его сделало диким.
И почему раньше в новых квартирах
Слышался смех, а не пьяные крики?
Было веселье у нас выше крыши —
Дети и взрослые вместе гуляли...
Выросли все и теперь от них слышу
Где и кому, и за что «наваляли...»

Старенький двор просыпается рано...

Монолог стройки

В этом сонме стального пира
Есть решетки, а к ним охрана есть.
Между мной и свободным миром
Настоящий железный занавес.

Огороженная забором,
Я обругана каждым странником,
По ночам я любима вором
И ревнующим нас охранником.

Ну, а днем я больна мигренью —
Кроют матом всю рабочую,
Бродят по полю мрачной тенью,
Да и так... беспокоят прочие...

А ко всей невеселой прозе
Самосвалов и перфораторов
Лишь утихнет реветь бульдозер,
Как вгрызаются экскаваторы.

И жара иссушает горы
На спине, шоферней изъезженной.
Даже в вырытых свежих норах
Как-то огненно и разреженно.

Не по собственной я здесь воле
Место заняла в бывшем скверике.
Я за парк, но такая доля,
Жаль, что жители все в истерике.

Скромный садик из старых яблонь,
Две дорожки и пара лавочек,
Дед из дома выносит грабли,
А за ним вперевалку правнучек.

Не спеша, в тишине гуляют
Три подружки и все с колясками,
Где-то пес на машину лает
Просто так, а вообще он ласковый.

В глубине мужики пьют пиво
Под свои анекдоты пошлые...
В общем, было все так красиво,
Только нынче уходит в прошлое.

Разве люди хотели много:
Только воздух, не надо озера...
Раньше бегали здесь бульдоги,
А теперь семят бульдозеры.

Я не жду уже выходного,
Ведь, с обеих сторон есть жители.
Целый день оскорбляют снова,
Будто сердце у них похитили.

Непонятие между нами —
Безвозвратно надежда губится,
Что потом, как-нибудь, с годами,
Может, стерпится, может, слюбится...

Монолог вожака собачьей упряжки

Я в собачьей упряжке,
При тяжелых санях,
Я кусаю всем ляжки
И пугаю бродяг.

Я покоя не знаю,
Мне в санях бы трястись,
Но кричит мне хозяин:
– Не в свои не садись!

Ни семьи, ни прикола,
Кроме снежной степи,
Ведь давно я не молод —
Лучше быть на цепи.

Как хочу я на воздух,
Мне пожить бы в горах,
Но летит к черту отдых,
А мечты мои – в прах.

Прут по спинам летает.
(Ох, жестока лоза!)
Только глупая стая
Так же смотрит в глаза.

И кричу в небеса я:
– Оглянитесь же, псы!
Он за ветер бросает
Вашу жизнь на весы!

А когда придут гости,
До утра с ними пьет.
Он швыряет нам кости
И про волю поет.

Что за воля такая?
От него бы уйти!
Чую – смерть ждет лихая
На безбрежном пути...

Монолог, угадай кого

Пробираюсь тихо к Люське.
Что хочу я, не секрет.
Приласкаю, дам ей буську
И потребую обед.
Люська баба не простая,
У нее огромный пес.
Прошлым утром, как, не знаю,
Еле ноги я унес.

Да, собачка не из добрых,
Злобы все сто килограмм.
Я обнял бы лучше кобру.
Почему, скажу я вам.
Я ее привычки знаю,
Откровенно говоря —
Если гостя покусает,
Значит, день прожит не зря.

А еще живут там дети.
(Жаль, что Люська не одна)
Двое так себе, но третий
Настоящий сатана.
Где ни спрячешься, достанет.
Парень жутко мозговит —
То сметаню заманит,

То печенкой соблазнит.

Заласкает до удушья,

Лучше б выпасть из окна.

В общем, жизнь дерьма не лучше

И опасностей полна.

Но, пока не задавили,

Я готов терпеть и псов,

Лишь бы вовремя кормили

И... не трогали усов.

Последний монолог червяка

Я одним из хитрюг
Был подвешен на крюк
Для вояжа.
Путешественник я.
Жаль, что нет у меня
Саквояжа.

Непонятно, где я:
То ль ведро, то ль бадья.
Что за диво?
Мутновата вода,
Непонятна среда,
Но красиво.

Я чуть-чуть повисел,
Но зато рассмотрел
Все подробно.
Буду дальше глазеть,
Только очень висеть
Неудобно.

А на дне кружева:
Как прекрасна трава,
Словно грива!
Ощущаю уют,

Рыбки шастают тут
Шаловливо.

Подплывает одна.
Может, даже она
Поцелует.
Хочет стать мне женой?
Или просто со мной
Пофлиртует?

Гром меня порази,
Что за чудо вблизи —
Красотища!
Вот и губы у рта,
Аж в глазах темнота,
Темнотища...

Монолог недостроенного дома

Ночь безмолвна и холодна,
И Луне не до вдохновенья.
Недостроенная стена
Недодлинной пугает тенью.
А вокруг лишь сосновый лес,
Только ветер холодный дует,
И забор из худых телес
О ворах меж собой толкует.
И повсюду, повсюду снег,
И торчат из-под снега плиты
Из прорытых ковшом прорех,
Словно трупы солдат убитых.
Среди сосен и тишины,
Среди комьев замерзшей глины
Нет разрухи и нет войны.
Почему же вокруг руины?
Недостроенные дома...
Много нас на дорогах нынче...
Может многое скрыть зима,
Но не скрыть ей людского линча.
Ну, так кто же в итоге вор,
На кого натравить ищейку?
Ночью кто-то зажег костер
В замусоленной телогрейке...
Там, на небе горит звезда

Для кого-то или кому-то.
С недостроенного гнезда
Нет прочерченного маршрута
В жизнь...

Монолог кобры

Я расширю свои мешки,
Не моргнув, посмотрю на вас,
А глаза у вас, как кружки,
У меня от таких экстаз.
Удовольствия лучше нет
Наблюдать ваш животный страх.
Показать бы вам ваш портрет
Типа, жизнь снова терпит крах.
Чуть покачивая стволем,
Скалит зубы оживший шланг.
Вы начальник и поделом,
Мне до мышки высокий ранг.
Пусть любовница где-то ждет
И чаевничает семья,
У меня вместо сердца лед,
Истекла уже ядом я.
Если б он, бедолага, знал
В чем я чувствую красоту.
Он чужое добро загнал,
Ну, а я загоню «тату».
А в штанах у него потоп,
Он сегодня не при делах.
Шевельнулся, родимый, стоп!
Вот и все, я вонзаю, аххх...

Монолог плагиатора

Как поэт, признаюсь честно,
Я, возможно, никакой.
Нет, конечно, это лестно —
Изливать стихи рекой.
Всюду выглядеть степенным,
А еще нимало лет
Где-то быть чего-то членом
С гордым званием «поэт».

Да, рифмую я не слабо,
Наготове вариант.
Муза бредить мной могла бы,
Если б знала про талант.
Только я, ведь, очень скромный,
Прыгать лень до потолка,
Но желание огромно
След оставить на века.

В мире есть секретов масса,
Как прославиться тотчас:
Оседлай себе Пегаса
И галопом на Парнас.
Я на славу очень падкий,
Но не ту, когда в гробу...
Я ловил уже лошадку,

До сих пор печать на лбу.

Знаю – надо быть инертным,
Что б в умах посеять тьму,
Но, простите, мне посмертно
Эти лавры ни к чему.
Берегу теперь я силы,
Что б не вышло бы чего:
Мне ж венок не на могилу,
Мне б на голову его.

Да, пробиться очень сложно
Через классиков тома.
Значит, надо осторожно
И вложить чуть-чуть ума.
Да и денег не мешало б —
И рекламу в Интернет,
На страну побольше жалоб.
(Патриот я или нет?)

Тут подмазал, там подкинул,
Где-то строчку умыкнул,
Что-то умное задвинул
Для сатириков-акул...
И однажды в одночасье,
В день обычный трудовой,
Вдруг закончатся ненастья
Над моею головой!

Резня по дереву (очень маленький монолог)

Надписей все прибавляется,
Режут меня вновь и вновь.
«Лена плюс Саша – равняется...»
Кто там сказал про любовь?!

«Будешь моею, Анфисочка!» —
Новая надпись кричит.
Строчат друг другу записочки,
Будто их ветер домчит.

Режут фигурки пронзенные.
Нет мне покоя ни дня.
Сохнут от страсти влюбленные,
Вместе с влюбленными я.

Режут, когда нацелуются,
Режут, когда загрузят,
Ссорятся или милуются...
В общем, когда захотят.

Вот бы ожить на немножечко:
Только держись, душегуб!
И на спине ему ножичком —

«Здесь были Липка и Дуб»...

Монолог телефона (развратные стихи)

Быть в наше время крутой очень круто,
Только обидно бывает до стона:
Я не мужчина, но ты, почему-то,
Дразнишь все время меня «телефоном».
Что ж, если так для тебя сексуальней,
Буду винить «укусившую муху».
Я иногда становлюсь аморальна
В миг, когда шепчешь ты что-то мне в ухо.
Ты на весь день меня можешь оставить,
Но, если рядом – все дырочки в деле.
Верь, дорогой, у меня никогда, ведь,
Так сладострастно мембраны не пели.
Ты говори, говори бесконечно,
Не затихай, замедляя дыханье.
Мысли мои излучают беспечность,
Тело мое излучает желанье.
Только сожми в своей крепкой ладони,
Чтобы душа отлетела, сгорая.
Жду твои пальцы на круглом бутоне —
Это предел и не надо мне рая.
Много не надо – минуту вниманья.
Ты говори даже, если ругая.
Я уже таю, а дальше, в тумане,

Не отвечаю сама за себя я...

Монолог приговора

Я Приговор, приведите меня в исполнение,
Только отсрочки не надо, я годен всегда.
Мне безразлично защиты особое мнение —
Слезы преступника мне, как сквозь пальцы вода.

Речи и крики, признание и ложь,
Откровения
Кем-то случайно во гневе наломанных дров.
Слово последнее – лучшее в мире мгновение.
Чем больше срок, тем все больше на вид я суров.

Как мне по нраву холодные зимы и ватники,
Северный ветер, до боли чужие края.
Смотришь, бывало, на снежный пейзаж аккуратненький:
Ах, до чего же приятно, что все это Я.

Видим, пока, далеко не для всех, к сожалению.
Многим еще удастся меня избежать.
Пересадить бы на нары мне все население...
Жаль, не могу без протекции это решать.

Ваш интеллект с каждым днем в бездну глупости
падает —
Это, поверьте, имеет свою красоту.
Вы извините за то, что меня это радует.

Вы опускаетесь – я над собою расту.

Как же порою бывает смешным ваше рвение:
Деньги пришли к одному, а к другому руда...
Я Приговор, приведите меня в исполнение,
Только отсрочки не надо, я годен всегда...

Монолог стола

Столик для женщины, стол для мужчины,
Крыша-убежище для малыша.
Для удивления нету причины —
Чем бы не тешилась чья-то душа...
Был я рожден для семейных обедов,
Званных гостей и торжественных блюд.
Свечи порой помогали беседам
И придавали интимный уют.
Все это было когда-то со мною.
Жил, не заботясь о завтрашнем дне,
Но постепенно какие-то сбои
Тихую жизнь утопили в вине.
Крики, скандалы, осколки посуды.
Как аргументы, тяжелый кулак
Все изменили (какие, там, блюда —
Тут самому уцелеть бы от драк).
Были хозяйева стали придурки,
Бывший папаша сегодня пахан.
Раны саднит от горящих окурков,
А подо мною разбитый стакан.
Нервы ни к черту, расшатаны ноги,
Грязная скатерть скрывает едва.
Все говорят, что я очень убогий.
В общем, старею, пора на дрова.
Не возражаю и не возмущаюсь.

Миру логичному наперекор,
Каждую ночь с этой жизнью прощаюсь,
Страстно мечтая уйти на костер.

АХ, ЛЮБОВЬ...

Ты сама мне луна во все небушко...

Забегая вперед...

Твоих волос манящий завиток,
Пьянящий взгляд и налитые губы...
Я так боюсь рукой своею грубой
Случайно смять изысканный цветок.
Цветок любви.
Мне больно сознавать,
Что так недолог миг очарованья
И что мое горячее желанье
Когда-то тоже будет остывать.
Картинок жизни красочный буклет
Воспоминаний страстных не разбудит,
Ведь чувства все когда-нибудь остудит
Холодный душ обрушившихся лет.
Так для чего же мне тебя беречь,
Зачем тебе дано благоуханье?
Сорву, сожму до спертого дыханья
И задрожу, и хриплой станет речь...
А ты сама меня благослови
На этот шаг,

Я должен быть уверен,
Что отыскал единственные двери
Для нас обоих в мир моей любви.

Серенада

Я берег слова серенады,
Много лет их в себе храня,
Я же чувствовал, что ты рядом,
Я же знал, что ты ждешь меня.
Кто мне скажет, ну, отчего же,
В час признанья в моей любви,
Растерялся я и, похоже,
Растерял все слова свои.
Ветер свежий на ухо шепчет:
– Что замолк, пацан или глуп...?
Я прижму ее да покрепче,
Вкус отведаю алых губ.
Заражу ее дикой страстью,
Окунусь в родник ее глаз,
Я увижу в них свое счастье
И добавлю лишь пару фраз:
– Хорошо ли мне? Не то слово,
Это в песне не передать.
Я с тобою – мне это ново,
Это – высшая благодать!
Что-то с сердцем, но мне не больно —
Это нежность через края.
Вдруг устал я от жизни вольной,
Тишины хочу и тебя.
Ты наверно явилась свыше,

Что б утешить и приласкать.

Я люблю тебя, слышишь?

Слышишь?!

Я сумел тебя отыскать!

«Лето. Ночь. Луна...»

Лето. Ночь. Луна.
Теплынь.
Речка. Поле. Лес.
Полынь.
Мы. Вдвоем. В семнадцать...
Ночь.
Неизведанность.
Любовь!

Руки. Волосы. Плечо.
Дрожь.
Прохладно.
Горячо.
Грудь к груди.
Глаза в глаза.
Счастье.
Нервы.
Смех.
Слеза.

Нежность. Ласка.
Лепет. Вздор.
Умиление.
Восторг.
Первозданность.

Тишина.

Мы вдвоем.

Любовь одна...

Посвящение

Когда жена все дыры залатает
На свитерах моих от сигарет,
Тогда наступит Осень золотая,
И оживет опять во мне поэт.
Я посвящу жене скупые строчки,
И объяснюсь в любви ей, как могу —
Спасибо, мол, за сына и за дочку...,
А остальные строчки сберегу.
Нет, я не скуп, но всплесками эмоций
Я этот мир уже не удивлю.
Жена прочтет стихи и улыбнется.
Она поймет, что я ее люблю.

«Я буду тебя ласкать...»

Я буду тебя ласкать,
Я буду тебя любить,
Я буду слова искать
И тут же тебе дарить.
А ты покраснеешь, вдруг,
Опустишь смущенный взгляд,
И вся обратившись в слух,
Впитаешь меня, как яд...

«Кистью волшебной взмахну...»

Кистью волшебной взмахну,
Лихо надвину берет:
– Милая, стань-ка к окну,
Я напишу твой портрет.
Я не художник пока,
Но, все уменье вложив,
Пусть не сфальшивит рука,
Нашу любовь освежив.
Тайный мой замысел прост,
Ты на меня положишься —
Я посвящу тебе холст,
А подарю свою жизнь!

«Говорила мне утром рожь...»

Говорила мне утром рожь,
Волновалась, теряя речь:
– Ах, меня пробирает дрожь!
Ах, смогу ли покой сбересть!
Этим летом пришлось мне стать
Местом встречи для двух сердец.
Я была для них, словно мать,
Яркий месяц был, как отец.
Я узнала, что есть любовь
От совсем молодых ребят.
А вчера они были вновь,
Лишь успел догореть закат.
Будто кто усыпил меня,
Ослабела в какой-то миг —
В эту ночь оказалась я
Брачным ложем для тех двоих.
И представить я не могла,
Как прекрасны и как свежи
Разгоряченные тела
На примятых колосьях ржи...

Откровение

Тихим долгим зимним вечером
Выйти лень из-за стола.
Абсолютно делать нечего —
Переделал все дела.
Все газетки перечитаны.
Вдруг жена мне: – Муженек,
Хватит киснуть, – говорит она,
– Завари-ка ты чаек.
Мы еще не много прожили,
Впереди не мало дней.
Помнишь, как ты вон из кожи лез,
Чтобы стала я твоей...
Ох и коротки беспечные
Дни девичества у нас.
Свое платье подвенечное
Надеваем мы лишь раз.
А потом тоска зеленая —
Бытовая кутерьма,
Дети, стирка и кухонная
Добровольная тюрьма.
Распашонки и пеленочки...
Ты же видишь, я смеюсь.
Нам еще бы, муж, ребеночка,
Вот тогда я развернусь.
Погляди, какая лапушка!

Слушай, я хочу сказать,
У меня мечта стать бабушкой,
Внуков нянчить и вязать.
Пей чаек, бери вареньице,
Ни о чем не думай ты.
Это я на свете пленница
Чисто женской суеты.

Жене Валентине

Прими, как есть, все то, что дарит жизнь,
Прими судьбу, какая б ни «прибилась»
И не ропщи, а лучше положиись
На ту, что сразу так не полюбилась.
Твори добро, несущим только зло,
Твори всегда, пусть даже через силу.
Настанет день и скажешь: – Повезло,
Что у Судьбы пощады не просила!

«Ярко светит Луна...»

Ярко светит Луна,
В звездах небушко...
Дорогая жена,
Дева-девушка,
Ты прижмись ко плечу,
Обними меня.
Захлебнуться хочу
В твоём имени,
Повторяя его...
А на зорьке вновь
У костра твоего
Заиграет кровь,
Что б любить и любить
Неумеренно.
Так и должно быть,
Богом велено.
И при блеске звезд
Я упьюсь тобой,
Распушу я хвост,
Задеру трубой...

Дорогая жена,
Дева-девушка,
Ты сама мне Луна
Во все небушко...

«Первейших чувств ярчайшие мгновенья...»

Первейших чувств ярчайшие мгновенья,
Далекий путь от взглядов до крестин...
Мы забываем часто, к сожаленью,
Как просыпался взрослый наш инстинкт.
В те годы жизнь не кажется нам прозой,
Она зовет есенинской тропой —
Ах, как легко под белою березой
Страдать.
В запой...

«Мало любовь свою в жизни найти...»

Мало любовь свою в жизни найти,
Мало – в любви не запутаться.
Чтобы любовь не украли в пути,
Надо в нее укутаться.

Ты в своем сердце создай ей приют
И пригласи любимую,
Но настоящие чувства придут,
Если любовь не мнимая.

Сильным старайся быть и никогда
Не выдавай отчаянья.
Если, вдруг, что-то не так – не беда,
Искренним будь в раскаянье.

Помни – любовь не борьба и не бой,
Но и не безмятежная...
И удержать ее может с тобой
Только душа безбрежная.

Душу промой, разверни, распахни
Сердцу своей избранницы.
Нежность в нее поцелуем вдохни,

И лишь сказать останется:

– Люблю...!

Нерешительный

Когда вижу тебя, я доволен, как слон,
И таким же, как слон, становлюсь неуклюжим,
И мешает мне свой нерешительный тон,
И еще не уверен, что я тебе нужен.
Я с тобой, как безусый юнец и при том
Запинаюсь в словах, постоянно краснея,
И все время тебе представляюсь шутком,
Его маску надев, но страдаю под нею...

...К сердцу долго старался я путь отыскать,
Подбирался словами все ближе и ближе.
Я сегодня смогу наконец-то сказать,
Что грущу без тебя и люблю, да пойми же!
Но не надо вздыхать, если вновь не решусь,
Лучше чуть потерпи, ну, до завтра, хотя бы.
Я морально устал, я, вот, весь соберусь
И скажу, и поймешь, что я вовсе не слабый.
Нерешителен я? Нрав совсем не мужской?
Ты, ведь, женщина все же – ты знаешь причину.
Я же вовсе не трус,
Я совсем не такой,
Я уверен в себе,
Я нормальный мужчина!
Я мечта твоей жизни,
Я твой эталон,

Только лишь иногда слишком скромн снаружи...
Когда вижу тебя, я доволен, как слон,
И таким же, как слон, становлюсь неуклюжим.

Ссора

Я вчера пригубил грамм сто
С настроенья ли, с горя ли...
В общем, так получилось, что
Мы с тобою повздорили.

Зло ты стул ногой двинула,
Побежав звонить маме.
Ты
Ей с обидою кинула,
Что я груб, что злопамятный.

Я, ведь, звал тебя звездочкой,
Мне на счастье, упавшею.
Ну, а ты мои косточки
Перемыла с мамашею.

Поздно ночью схожу я в душ,
Улыбнувшись, подумаю —
Я, ведь, все же еще ей муж,
И прижму я звезду мою.

А сквозь сон уже смутно я
Вспомню ссору вчерашнюю.
Ты такая уютная,
Ты такая домашняя...

Сторожевое лирическое

Снова я в сторожку
Пиво прихватил,
Выпил и немножко
Что-то загрустил:
О последней встрече
Вспоминаю вслух.
Был хороший вечер
И хороший друг...
Ты была мне летом,
Ты была цветком,
Ты была букетом
Роз
И родником.
Время незаметно
Как-то пронеслось.
Мне в ту ночь конкретно
Долго не спалось.
Заступил на сутки
На дежурство я.
Что мне эта будка,
Если нет тебя.
Сон здесь неуместен,
Он не господин —
Я итак, хоть тресни,
Не усну один.

Я дождусь заката,
Подожду утра.
Дайте мне зарплату,
Мне в загул пора!
Жизнь подобна бою,
Мир так далеко,
Но, поверь, с тобою
Мне всегда легко.
А с деньгами туго —
Исчезают вмиг.
Я без них, подруга,
Не совсем мужик.
Встретимся ль, не знаю
Я наверняка.
Ты прости, родная,
Не могу, пока.
Может быть, страдаю
Из-за ерунды.
И не доедаю,
И не до еды.
Вновь сегодня, видно,
Ночь пройдет без сна.
Милая Марина,
Как ты там, одна...
Обещаю, все же —
Мы пойдем в кино
И на Цнянку тоже.
Мне, ведь, все равно.
Обниму за плечи,

Загляну в лицо...

Тихий теплый вечер.

Август.

Озеро...

Одержимость

На тебя все деньги я разбазаривал,
Неужели что-то недодарил.
Если говорил я, то договаривал,
И, поверь мне, искренне говорил.

Я тебе твержу: – Ты моя любимая!
А в ответ по-прежнему: – Ты мне друг...
Что-то между нами стоит незримое,
Словно создала ты защитный круг.

Для чего тебе этот круг магический,
От кого же ты бережешься вновь?
Я не Сатана, я герой лирический —
Мне нужна всего лишь твоя любовь.

Мы уже полгода с тобой встречаемся,
Но, учти, хоть я и извелся весь,
Только после смерти в любви отчаюсь я,
Потому сегодня я снова здесь.

А пока запрячу я меланхолию,
Погляжу навстречу глазам-огням...
...Пусть пройдет сто лет или даже более,
Но добыю тебя я, ведь, я упрям!

Возмездие

Ошалев от дождя и пьянства,
Разрываю толпы кольцо:
Междурьлочное пространство
Вдруг открыло твое лицо.
Как мужчина, я был «из ранних»,
Только вспомнил внезапно я —
Что давно уже не избранник
Да и ты давно не моя.
Что-то сердце опять забилося,
Я стою – дураком дурак.
Равнодушие, где ты скрылось,
Мне сейчас без тебя никак.
Мне с тобою все с рук сходило,
Даже если другим назло.
Как легко мне когда-то было,
Как сегодня мне тяжело.
Вот, она и пришла, расплата,
И, наверное, навсегда —
Боль за прожитые когда-то
Легкомысленные года.
Боль обманутых мною женщин
Сконцентрировалась во мне.
Понял я, что чертям обещан
На сегодняшнем судном дне.

Волшебный сон

Мне снится девушка, а я ей улыбаюсь.
Мне снится девушка, я ей цветы дарю.
Мне снится девушка, а я не просыпаюсь —
Что будет дальше, я сначала посмотрю.

Она мне снится хитровато-шаловливой.
Она мне снится до бесстыдности давно.
Она мне снится очень стройной и красивой,
Хоть точно помню, что не пил я с ней вино.

Мне эта девушка по нраву, я ей тоже.
Мне эта девушка укажет к счастью путь.
Мне эта девушка настолько всех дороже,
Что пробудиться я боюсь когда-нибудь.

Я позаботился немного и об этом —
Движений резких я не делаю во сне,
Но опасаясь только утреннего света,
И... что б жена не захрапела в тишине.

«Я когда-то давно угодил в твою сеть...»

Я когда-то давно угодил в твою сеть,
Я пытался сбежать, но напрасно.
И тогда захотел я тобой овладеть —
Оказалось, что ты неподвластна.

Так и рвался всю жизнь, а устав, затихал,
Понимая бессмысленность цели.
Нити сети крепки – ни одной не порвал,
Да и сил уже не было в теле.

Но сегодня я понял, что было со мной,
Сам себе со стыдом я признался —
Ты из всех на земле оказалась одной,
В чью любовную сеть я попался.

Может все и не так, может, сам захотел —
Безрассудно с любовью играя,
Видел пламя огня, чуял жар, но летел,
Постепенно в тебе догорая.

Выбор сделан, взяла меня жизнь в оборот
И свобода уже невозможна.
Хо́да в прошлое нет, остается – вперед

Безвозвратно,
Достойно,
Надежно!

«Эй, жена, снова март, посмотри...»

Эй, жена, снова март, посмотри...
Извини, что опять выражаюсь.
Просто, чувствую, где-то внутри
Возрождаюсь, опять возрождаюсь.
Все слова в одну кучу валю,
Заряжаюсь энергией жизни,
Все вокруг бесконечно люблю,
И как прежде я верен Отчизне.
Снова дороги наши места,
Снова люди мне ближе и ближе,
Лишь одна не исчезла мечта —
Хоть денек погулять по Парижу.
Ненадолго, на пару часов,
Окунуться в него утром рано,
И ответив на низменный зов,
Выпить кофе в бистро, с круасаном.
По Монмартру немного пройти,
Не спеша прогуляться вдоль Сены,
А потом, хоть трава не расти,
Можно снова в родимые стены.
Завернуться в словесную муть,
В информации ложное ложе.
Жаль, что время уже не вернуть
И мечтать почти не о чем тоже.
Вот и март, наконец-то, жена!

Снова рад я признаться весною:

– Для меня ты, как прежде, одна,

Только больше мне стала родною...

Тихое, шуточное, лирическое

Где-то вне времени, где-то в пространственной дали,
Несовместимые вещи встречаются не раз:
Мы никогда для кого-то не существовали,
Но для кого-то давно существуем сейчас.

Дышишь ли лесом, бредешь ли по строчкам страницы,
Просто ли пьешь на жару от жары «ашдвао»,
Вдруг легкой дымкой в душе у тебя прояснится —
Что-то родилось как будто бы из ничего.

Это б еще ничего, если б это не снилось,
То ли смятение, то ли весенний мотив.
Время бегущее медленно остановилось,
Через себя что-то нежно вперед пропустив.

Вечными кажутся в эти минуты мгновенья.
Физик, ты свой реферат «ни о чем» не готовь.
Это в саду называют обычным цветеньем,
А у людей называется просто любовью...

Звезда

Утром солнце, дождик днем, под вечер снег...
Вновь со звездами ночами перебой.
И лишь только фонари
С тусклой лампочкой внутри
Доносят свет
До нас с тобой.

Просветленье небольшое, но для нас.
Что-то светит понемногу, ну и пусть.
Знаю, что твои глаза
Слепит дождь, а не слеза,
И не любовь
Рождает грусть.

Небывалая уверенность в себе.
Это счастье, что ты рядом, что ты есть.
Это ты моя звезда
И сегодня, и всегда,
И ты моя
Мужская честь.

Неужели это только для меня?
Никогда я о подобном не мечтал.
Пусть всегда во мне горит
Твой ночной метеорит,

А для тебя

Я небом стал...

ЭТО ЖИЗНЬ

Это жизнь?
Посмотри, как плывут облака.
Улыбнись —
Я придумал к ним рифму «река».
Ведь, река —
Это тот же кусочек небес,
Свысока
Повторяющих речку и лес.

А еще возникает
Очень странное чувство подчас —
Облака увлекают,
Но не больше больших твоих глаз.
В облаках я витаю,
Бурной речки не слушая рев.
Мои мысли, как стая
Разлетевшихся вдруг воробьев.

Это ты
Распугала степенность мою.
Рву цветы
На лугу в поднебесном раю.
Знаю я —
Не таких ты достойна цветов.
Жизнь моя,

Я любить тебя вечно готов.

Птицы вьют свои гнезда,
Я совью о любви своей стих.
Покажу тебе звезды,
Назову твоим именем их.
Мне со звездами честно
Невозможно тебя оценить.
Сколько их, неизвестно,
Все равно их с тобой не сравнить.

Добрый сном
Наяву ты сегодня со мной.
Все в одном,
А точнее в тебе лишь одной.
Улыбнись...
Словно лучик пробился в окно.
Это жизнь
И другой нам никем не дано.

Облака проплывают,
И течет бесконечно река.
Вот, как это бывает —
На меня ты глядишь свысока.
Непростое мгновенье,
Я дрожу и почти не дышу.
Преклоняя колени,
Твою руку смиренно прошу.

Старый двор, жена и... 30 лет

Тишь и блажь, знакомые коты,
Старый двор со старыми друзьями...
И друзья по-прежнему просты —
Карты, мат и пиво с сухарями.
Тридцать лет... ну, может быть, почти...
Старый двор дарил мне вдохновенье.
Эх, жена, ты все-таки прости
За чужое «Чудное мгновенье...»
Мы с тобой прожили тридцать лет.
Ерунда – покажется кому-то.
Не всегда домашний мягкий свет
Был у нас в совместные минуты.
Пусть проходят годы, как вода.
Не всегда ты в них ценилась мною,
Но ты вечно будешь молода,
Даже с чуть заметной сединою.
Я любовь хотел бы освежить.
Ничего, что в наших душах осень,
Но скажу, родная – будем жить
Лет до ста и больше не попросим.
Да, не юн и пусть не крепок я,
И не будет прежнего горенья.
Ты прости еще разок меня
За чужое «Чудное мгновенье...»

Прогулка с женой

Красиво кругом, но конечно не так, как в те годы —
В то время мы были предательски юны с тобой.
Ты в нашу тусовку всегда приносила погоду.
С тобою прошелся бы с гордостью парень любой.

Ты помнишь те дни, когда не было этой аллеи?
Была только роща, в которой мне встретилаcь ты.
А помнишь то место в лесу, где, краснея и млея,
Ребята водили притихших девчонок в кусты?

Таинственно что-то друг другу шептали березы,
И шелестом листьев слова заглушали свои.
Забылись давно уже скорые девичьи слезы,
Теперь наши дети исследуют зону любви.

А дети, они, как всегда, чересчур любопытны,
И все почему-то мечтают скорей повзрослеть.
Как все-таки рано приходит инстинкт первобытный,
Но не приходилось пока что об этом жалеть.

Как много у них в этом возрасте новых эмоций,
Как много находок и невосполнимых потерь,
Как много желаний...
Ну, как со всем этим бороться?
Для нас в их космический мир плотно заперта дверь.

Любовь – это вечно, тогда почему-то казалось,
И ссора, естественно, тоже, увы, навсегда.
Смешно иногда вспоминать, как любовь начиналась,
Но грустно, что больше не встретится нам никогда...

ВРЕМЕНА ГОДА

ЗИМА

РАЗ-очарование

Эх, мороз, отмерзший нос,
Ледяные ветры.
Десятиметровый кросс
Стал, вдруг, километром.
Больше я не верю, что
Время быстротечно.
Полчаса всего прошло,
А казалось – вечность.
Вышли баба с мужиком
На мороз неслабый:
Стал мужик снеговиком,
Баба – снежной бабой.
Нет красивее зимы —
Говорят поэты.
Мол, такой, вот, бахромы
Не увидишь летом...
Это все красиво, но
Мыслю я иначе —
Пусть, хоть грязно, но тепло,
От тепла не плачут.
Пусть шесть месяцев в году
Длится лучше осень.
Я чихал на красоту
В «минус двадцать восемь».

«Старому году»

Я обегаю рысью гастрономы
С излишним пылом верного слуги.
Спешу «добыть», «достать», а где-то, дома,
Печет жена на кухне пироги.
Последний день...
Для званых и незваных
Гостей
Уже готовится вино,
А Старый Год сидит на чемоданах
И грустно смотрит в мерзлое окно.
Я приглашу его к гостям шумливым
За общий стол,
Налью «на посошок»,
Жена пирог достанет хлопотливо,
А сын расскажет маленький стишок.
Пускай надежды наши обманул он,
Простим его.
Недолог миг, когда
Часы объявят смену караула
И он уйдет,
Поникший,
Навсегда.

После праздника

Комнаты прибраны, гости отправлены,
Строго традиции соблюдены.
В мерзлую землю, ботинками вдавленный,
ПРАЗДНИК валяется у стены.
Кем-то обломанная или забытая,
Между стеною и старым ведром,
Наполовину порошей покрытая,
Веточка ели с хрустальным шаром...

Оттепель

Выпью крепкий кофеек
И опять на свой «конек» —
Спать не буду может до утра я.
Сполоснусь водой, утрусь
И биноклем увлекусь,
Издали прохожим сострадаю.

Через мокрое окно
Наблюдаю, как в кино,
«Индивидуальности» прохожих.
У асфальтных берегов
Слышно чавканье шагов,
В чем-то меж собою очень схожих.

Полосою холода:
То – морозы, то – вода,
Ночью снег, а днем сплошные лужи.
Скачут люди наугад
Через мат и перемат,
Грязный снег ботинками утюжа.

Бомж и милиционер,
Нищий и миллионер,
От старушки и до хулигана...
Все подальше от воды

Расползаются следы,
Как от спички дома тараканы.

Постарел, видать, Мороз —
Явно мучает склероз,
Где-то дернул, да не тот, рубильник.
Спародировал зиму.
Хоть бы кто сказал ему:
– Что ж ты, дед, испортил холодильник!

Словно Разина челны,
На простор речной волны
Выплывают авто-субмарины,
И выделяет «па»
«Благодарная» толпа,
Даже бабка стала балериной.

Ноктюрн

Пятый день декабря.
На Земле наступила зима,
Но никак не закончатся глупые эти дожди
Без снега.
Переполнены, видно, Природой ее закрома
Для воды
И поэтому вьюги не жди,
И не бегай
В поисках белой безмолвной тиши
В поле пустынном.
За городом где-то
Снежных сугробов в лесу не ищи —
Видишь, как плачут березки раздетые.

Голыми, голыми, голыми, голыми
Стыдно стоять...

Настроение

Белое безмолвие при свете фонарей...
Ночь, а одиночество ночью все сильней...
Мучает бессонница, не приходят сны...
Хочется завывать порой, только нет Луны.
За окошком скучные серые дома...
Поскорей прошла бы ты, зимушка-зима,
Но она пока еще начинает бег.
Ни души на улице.
Только белый снег...

Это Январь!

Смята трава,
Спрятан асфальт,
Разум враждебный,
Люди нахохлены.
Из-за угла
Слышится «Хальт!
Стой, человек,
Видишь, не сдохли мы!»

Ветер и снег
Слепят глаза.
Что впереди там?
Темень, поэтому
Я не скажу —
Выдаст слеза
Следом блестящим
С кожей обветренной.

Свечкой в ночи
Тусклый фонарь.
Столб покосился,
Провод болтается...
Слышится скрип:
– Ну-ка, ударь!
Я его понял —

Он издевается!

А до весны

Много недель.

Не дотерпеть мне

В койке калачиком.

Только мороз,

Только метель:

Это не отчим,

Это не мачеха —

Это Январь!

Зимнее брюзжание

Я иду в магазин,
Но не как на парад,
Я сегодня один,
Ничему я не рад.

Я ловлю ухом дурь,
Чертыхаясь в ответ,
Но, как брови ни хмурь,
Просветления нет.

В голове только тьма,
Но на том и стоим.
Много ль надо ума,
Чтобы тронуться им.

Настроенье убил
И души не согрел.
То ли я перепил,
То ли я постарел.

И погода не та,
Как обычно зимой —
Где же ты, красота,
Рай заснеженный мой?

Льют дожди невпопад,
На дорогах потоп.
Был вчера снегопад,
А сейчас «грязешлеп»...

Хочу тепла!

Что-то чаще с каждым годом,
И особенно зимой,
Меньше тянет на природу,
Больше хочется домой.
Только выйдешь из подъезда
В распроклятом феврале,
От обилия одежды
Тянет к матушке-земле.

По ТВ бураны воют,
Прочит радио мороз.
В одеяло б с головою,
Что б не слышать их угроз.
А до марта две недели,
А зима все так же зла.
Я не чувствую капли,
Я не чувствую тепла.

Спирт в термометре все ниже,
Телу хочется дрожать
От мороза,
Хоть и вижу,
Что его не избежать.
Может, это отголоски
Еще с лета, а пока

Превращаюсь в отморозка
Тихо, но наверняка.

Не становятся короче
Эти ночи.
Знаю – ведь,
Хочешь ты или не хочешь,
Но придется потерпеть.
Потому-то с каждым годом,
И особенно зимой,
Меньше тянет на природу,
Больше хочется домой.

Мысли в феврале

Мысли об осени в голову, в голову,
Мысли о ветре, а дело к весне.
Да, пробуждение – здорово, здорово,
Но почему-то не весело мне.

Снова туманы густые, слезливые,
Тихо по грязи ступает февраль.
Мысли какие-то сплошь некрасивые
И не пойму, где в них скрыта мораль.

Ночью был снег и все падало, падало...,
Тихий, как кроткий младенческий сон.
Ночью был снег и он радовал, радовал,
Мыслям и чувствам попав в унисон.

Нервные дни приближаются к финишу,
Пара недель и наступит финал.
Можно дожить, если крышей не двинешься,
Грязь не нужна, а мороз доконал.

Вроде зима наконец-то кончается,
Но неуютность на каждом шагу,
Вроде бы есть от чего нам отчаяться,
Только мы это оставим врагу.

Пусть будет снег, пусть всегда ненавистная
Грусть из тумана вылезит дождем —
Нет, никогда в феврале не зависну я,
Враг пусть тоскует, а мы подождем.

«ОПЯТЬ ЗИМА, ОПЯТЬ ЗАСКОКИ...»

Опять зима, опять заскоки,
Живее стал и млад, и стар.
Сейчас закончу эти строки,
И заскочу в ближайший бар.

Хлебну пивка под сигарету,
Потом к девчонке подскочу.
Да, чем-то жизнь сродни балету —
Все время с кем-нибудь кручу.

Родных, друзей, знакомых, прочих...
Объеду, встречу, навещу.
Всех обскакать успею к ночи,
А вот домой я полечу.

Зима начинается

Слякоть, как палки в колеса телегам,
Дождь и туман встали вязкой стеной,
Город уснул под растаявшим снегом,
Парки укрыв до утра тишиной.
Осень сбежала от будущей стужи,
Словно внезапно лишилась ума.
Шлепая громко по собственным лужам,
Входит хозяйкою в город Зима.
Где-то в лесах застревают метели,
Где-то в грязи задержался мороз,
Но, как всегда, как бы мы ни хотели,
То, что придет он, уже не вопрос.
Злой, надоедливый, жесткий, скрипучий,
Гордый собой от своей крутизны...
Ладно, посмотрим попозже, кто круче,
Дай только время дожить до Весны!

Затяжная зима

Снова снег мельтешит,
В нарушителях числится.
И ничуть не стихит,
И ни сколько не мыслится.
Я так ждал пузырей
После ливня весеннего,
Но зима у дверей,
А в душе не сиренево.
Мне хотелось тепла,
Но простудой дышится.
Муза тоже слегла,
И ни строчки не пишется.
В голове карусель:
Поменялись все правила.
Так хотелось апрель,
Но опять зафеврало...

ВЕСНА

«По последнему снегу пройдуь...»

По последнему снегу пройдуь
И злорадно в усы улыбнуь,
Щурясь свету весеннего дня:
– Что, «товарищ», не взял ты меня!
Ты срывал мои двери с петель,
Превратив свое войско в метель
Или просто в густой снегопад,
Ополчившийся против лопат.
Но всему наступает предел:
Как бы ты ни крутил, ни вертел,
Ты сегодня свое отлетал.
Раскидал я тебя.
Растоптал!

Весна

1

Эх, Природа, родная мать,
Говорят – мы с тобой едины.
Я хочу, как и ты, ломать
Свою тусклую жизнь, как льдину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.